

Elena Pawłowa

Лексикографическое описание доминантных фольклорных имен и типизированных моделей поведения

Acta Polono-Ruthenica 14, 463-473

2009

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Elena Pawłowa
Kaługa

Лексикографическое описание доминантных фольклорных имен и типизированных моделей поведения

Одним из основных направлений деятельности современной этнолингвистики является создание языковых словарей культурологического типа. Фундаментальными изданиями в этой области несомненно являются словарь *Славянские древности*, выпущенный в России в 1999 г. под редакцией Н.И. Толстого, и созданный под руководством Е. Бартминьского польский *Словарь стереотипов и символов народной культуры* (1996, 1999). В этих изданиях впервые успешно решалась глобальная задача лексикографического описания фактов народной культуры на основе лингвистических данных.

Так, статьи словаря *Славянские древности*, который „подводит итог более чем вековому изучению славянского фольклора, мифологии, этнографии, народного искусства”, тематически и содержательно охватывают практически все основные сферы традиционной духовной культуры славянских народов. Объектом толкования в нем являются „не слова и не реалии в широком смысле (предметы и явления внешнего мира, лица, действия, животные, растения, их свойства и отношения) и не; их ментальные корреляты (концепты, понятия, образы), а соответствующие им знаки языка культуры в целом (в единстве их «реальной» формы и символического содержания)”¹.

Новаторской особенностью словаря Е. Бартминьского, созданного на материале текстов польского фольклора, является его когнитивная основа: автором был выработан особый вид словарной дефиниции – когнитивная дефиниция, то есть толкование определенного явления с точки зрения рядового, простого носителя языка. Такая дефиниция моделирует устойчивый

---

¹ Н.И. Толстой, С.М. Толстая, *Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей*, [в:] *Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов*, Москва 1983, с. 5–8.

смысл, ассоциирующийся с данным явлением в низших культурных сферах, массовом народном сознании и закрепленный в языковом стереотипе этого явления, и предполагает по возможности полное описание не только денотативного компонента значения, но и его дополнительного компонента (коннотации), обусловленного зачастую экстралингвистическими культурными факторами².

Исследования в области фольклорной лексикографии ведут также представители Курской школы лингвофольклористики (А.Т. Хроленко, М.Б. Бобунова, И.С. Климас и др.). К настоящему времени вышли в свет 2 тома *Словаря языка русского фольклора*. Словарные статьи этого издания включают следующие зоны: 1) база статьи (корпус текстов, на материале которых производилось исследование); 2) заглавное слово и количество его употреблений; 3) зона толкования (в случае необходимости); 4) иллюстрация (с указанием источника); 5) варианты (акцентные, морфемные и другие, а также диминутивы); 6-10) зоны сочетаемости с различными частями речи с указанием количества употреблений (зона связи с глаголами включает сведения об использовании описываемого слова в качестве субъекта и объекта действия). Кроме того, в словарную статью в случае необходимости включаются зоны ассоциативных рядов, поэтической функции, производящего слова и дополнительных комментариев.

В нашем исследовании речь идет о словаре особого типа – этнолингвистическом словаре языка фольклора. В этом случае фольклорный язык рассматривается как особая система, единицей которого является не слово как таковое, а культурнозначимый, этноспецифический смысл, своеобразный семантический коррелят, стоящий между словом и объектом, то есть минимальная единица народного знания о мире, „общественное представление предмета” (Е. Бартминьский). Эти „представления, соответствующие значению в определенном смысле этого термина, имеют стереотипический характер и обычно символичны. Вместе с лексикой, грамматикой и совокупностью прагматических правил они составляют языковую картину мира исследуемой культуры”³.

Таким образом, цель указанного словаря заключается не в толковании определенной фольклорной лексемы, а в фиксации культурных смыслов, которые репрезентируются словом и отражают народное знание о соответствующем фрагменте действительности.

---

² А. В. Юдин, *Этнолингвистика*, [в:] *Культурология. XX век. Энциклопедия*, Санкт-Петербург 1998, с. 630.

³ Цитата по: *ibidem*, с. 632.

Последние исследования в области фольклорной лексикографии показывают, что лексикографическое описание языка фольклора требует достаточно сложной подготовительной работы, направленной на многоуровневый анализ фольклорной лексики с целью выявления фактов культуры, стоящих за словом. Информативная база словаря должна включать результаты анализа значительного объема языкового фольклорного материала. Большое значение при этом имеет выбор методов и методик анализа, а также предварительная работа с текстами.

Так, в нашем исследовании этнолингвистический анализ доминантных фольклорных лексем предварялся электронным сканированием текстов и составлением конкорданса, то есть совокупности всех контекстов, в пределах которых функционирует анализируемая лексема.

Сам процесс выявления этнокультурной информации базировался на когнитивных методиках фреймового и ситуативного анализов⁴ доминантных (частотных и значимых) фольклорных имен, которые предполагают учет абсолютно всех случаев употреблений данного слова в пределах рассматриваемого корпуса текстов, всех его форм, а также его однокоренных образований, синонимичных и местоименных замен. При этом анализировалась семантика и прагматическая функция лексемы на уровне ее ближайшей сочетаемости, дальнейшего контекстного окружения, а также на уровне сценарных отношений (уровне сцен), которые реализуются в контекстах с описанием дополнительных деталей, указывающих на место, время, способ деятельности субъекта, атрибуты его деятельности и т.д.⁵

Последний уровень анализа связан с выявлением и анализом типизированных сценариев, и шире – моделей поведения, которые характеризуются устойчивостью и повторяемостью в различных фольклорных произведениях. Сценарий составлялся путем последовательного выбора на материале одного произведения всех контекстов, в которых встречается анализируемая лексема, а также слова, ассоциативно и символически с ней связанные. Анализ языковой реализации сценариев позволяет глубоко проникать в многослойность фольклорного повествования посредством описания ассоциативных связей, символических сближений лексемы. Кроме того, данный уровень анализа позволяет выявлять древнейшие мифологические соответствия путем сопоставления известных мифологических сюжетов

---

⁴ См. об этом: А.А. Камалова, *Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах*, Архангельск 1998.

⁵ См. об этом: Е.В. Павлова, *„Пятиречье“ О.Э. Озаровской как объект этнолингвистического описания*, Северодвинск 2006.

с контекстами, включающими описания, в том числе оценочного характера, действий, внешности, способов поведения субъекта в рассматриваемом фольклорном произведении.

Перечисленные уровни изучения фольклорных имен позволяют последовательно реконструировать культурные смыслы, то есть знания народа о фрагменте мира, от обиходно-бытовых представлений до сакрально-символических, религиозных, мифологических.

В качестве примера остановимся на типизированной модели поведения 'Человек и его судьба'. Материалом нашего исследования послужил сборник севернорусских фольклорных текстов *Пятиречие*⁶ – уникальное издание, которое называют энциклопедией Русского Севера. Тексты для сборника были собраны и записаны известным ученым О.Э. Озаровской в ходе нескольких экспедиций в различные районы Архангельской губернии в начале XX века. Большинство прозаических текстов сборника являются оригинальными текстами, бытовавшими только в пределах севернорусской архаической зоны. Это обстоятельство позволяет выявлять этноспецифические особенности языка фольклорных текстов *Пятиречия* в его взаимосвязи с культурой народа.

Модель поведения 'Человек и его судьба' реализуется в *Пятиречии* посредством нескольких сценариев, например: 'Человек в поиске счастья'; 'Жизнь помора на промысле' и др. Одним из наиболее частотных в рамках данной модели является сценарий 'Судьба, участь девушки', получающий языковое воплощение в таких сказках, как *Царевнина талань*, *Спасенная девица*, *Укрощение строптивой*, *Безручка* и других. Отметим, что особенностью этих сказок является наличие не только нормативных моделей женской судьбы, но и „антимodelей” поведения, включающих нарушения брачных и социальных норм. Так, статусом негативной сакральности отмечено в севернорусских сказках положение незамужней девушки вне семьи. Приведем фрагмент анализа.

В поморской сказке *Спасенная девица* известный фольклорный мотив – похищение невесты змеем (необычным женихом), который держит ее в качестве сожигательницы, и последующее ее чудесное спасение настоящим женихом – получает трансформированное воплощение в выявленных нами типизированных сценах и ситуациях и реализующих их контекстах:

---

⁶ О.Э. Озаровская, *Пятиречие*, [в:] *Полное собрание русских сказок. Довоенные собрания*, т. 4, Санкт-Петербург 2000.

Сцена 1 – девица, оставшаяся одна, попадает в руки нечистой силы.

Данная сцена включает следующие ситуации:

- (1) ‘проклятие родителями дочери’: *В худой час родители ее прокляли;*
- (2) ‘похищение дочери нечистой силой’: *И он [леший] унес ей.*

Сцена 2 – девица с лешим невидимками танцуют на ладье промышленников.

Ситуации:

- (1) ‘соединение с нечистой силой’: *Вдруг пара пляшет; И голос кричит: „Сгорела ты, пропала!“;*
- (2) ‘невидимость для окружающих’: *Слышно, а не видно.*

Сцена 3 – рыбак разбивает горшок с ладаном и углем, после чего девица падает на пол, а леший исчезает.

Ситуации:

- (1) ‘выполнение сакральных действий’: *Этот старик приготовил горшок с углем и бросил ладан, горшок прикрыл. Как [...] опять пара затопала, старик и разбил горшок* (выполнение сакральных действий пожилым рыбаком может рассматриваться как ситуация ‘снятия родительского проклятия, его преодоления’);
- (2) ‘проявление видимости’: *Пошел чад, увидали: в этом чаду упала женщина; И выскочил „он“ [нечистая сила, леший];*
- (3) ‘сопротивление нечистой силы’: *Голос кричит: „Сожгу!“ А сделать ничего не может; Сколько ни кричал, она без движенья;*
- (4) ‘защита от нечистой силы’: *Старик велел все окна закрестить. На женщину крест надели, она очнулась;*
- (5) ‘исчезновение нечистой силы’ (в данной сказке эта ситуация контекстуально не реализуется, представлена имплицитно, тогда как в других рассмотренных текстах получает языковое выражение).

Сцена 4 – после исчезновения лешего промышленники с девицей возвращаются домой.

Ситуации:

- (1) ‘освобождение героини’: *Судно выправилось* (символическое последствие освобождения);
- (2) ‘возвращение домой’: *Приехали в Архангельско.*

Данный сценарий (условно его можно назвать ‘Жизнь девушки вне семьи’) является типизированным, несмотря на то, что входящие в него инвариантные ситуации получают различную языковую реализацию в каждой конкретной сказке *Пятиречия*. Функционально-семантический анализ лексем, использованных в описании приведенных выше сцен и ситуаций, позволяет сформулировать значимые этнокультурные смыслы, регламентирующие поведение женщины. Например, ситуации проклятия и похищения ассоциативно сближаются с представлениями об уходе девушки из родительского дома, не связанном с браком. При описании этих ситуаций помимо основного языкового маркера – глагола *прокляли*, употребляется словосочетание *худой час* с отрицательной коннотацией прилагательного. Ситуация соединения с нечистой силой реализуется путем актуализации семы ‘падение’ (*в этом чаду упала женщина*), а также глаголами *сгореть*, *пропасть*, в значении которых актуализируется сема ‘исчезновение видимости’. Здесь имплицитно представлена информация о том, что недопустимая, с точки зрения данного социума, ситуация не должна быть доступна для глаз, такая ситуация словно исключается из зоны видимости: [...] *пара пляшет. Слышно, а не видно*.

Ненормативность ситуации положения девушки вне семьи закрепляется также символическим значением ряда лексем. В частности, лексема *горы*, являющаяся пространственным символом, обозначает место обитания нечистой силы, в данной сказке – лешего, унесшего девушку. В исследованиях А.А. Потебни содержится следующая интерпретация данного символа: „Горы стесняют свободу движения, затрудняют путь, так что трудный путь лежит непременно через реки и горы, оттого горы противоплагаются равнине как символ неволи, горя. [...] Отсюда жить на горе – тужить”. На основе примеров из фольклорных текстов Потебня доказывает, что „сближение горы и горя основано, как большая часть подобных сближений, не на пустой игре словами, а на известном взгляде на природу”⁷.

В результате изучения всех контекстов, формирующих сценарий ‘Судьба, участь девушки’, а также семантического анализа доминантной фольклорной лексемы *девушка* были реконструированы этнически ценностные культурные смыслы, отражающие представления жителей Русского Севера начала XX века о семейном статусе, социальных ролях и функциях, моделях допустимого и недопустимого поведения женщины. Например: ‘вне родительского дома жизнь девушки возможна только

⁷ А.А. Потебня, *Символ и миф в народной культуре. Сборник трудов*, Москва 2000, с. 91.

в замужестве'; 'девушка обязана выполнять распоряжения старших по возрасту'; 'девушка не имеет права действовать самостоятельно'; 'жизнь без семьи обрекает девушку на всеобщее осуждение'; 'труд – ее основная обязанность' и под.

Как отмечалось выше, результаты этнолингвистического анализа типизированных моделей поведения и доминантных имен могут быть представлены в словаре особого типа – этнолингвистическом словаре фольклорного языка.

Подобный словарь может содержать несколько видов информации: в первую очередь – лингвистического и культурологического характера.

Лингвистическая информация содержит сведения о количестве употреблений лексемы в пределах анализируемого корпуса текстов, о наличии фонетических, (отраженных собирателем текстов графически), грамматических вариантов, о типовой сочетаемости со словами различных частей речи, о функционировании лексемы в качестве объекта и/или субъекта действия, об ассоциативных связях лексемы, ее символических сближениях, словесных рядах и т.д.

Культурологическая информация может представлять собой отдельную зону словарной статьи, содержащей кратко сформулированные культурные смыслы, которые были реконструированы в результате анализа семантики, символики, синтагматических связей, этимологии описываемого слова. Считаем, что в лаконичном виде статья может также содержать сведения о мифологических соответствиях лексемы, установленных в результате более глубокого проникновения в структуру фольклорного текста с использованием методов когнитивной лингвистики, в частности – методик фреймового и ситуативного анализов.

Необходимым представляется также включение в словарную статью справочных сведений этнографического и историко-культурного характера, а также операциональной информации, которая содержит указания на текстовую базу исследования, территорию бытования произведения (или произведений), сведения о сказителях: о территории проживания, поле, возрасте, особенностях сказительной манеры, которая может проявляться в точном следовании древнему сюжету, использованию импровизаций, наличием современных аллюзий и т.д.

Помимо решения вопроса об общей структуре словарной статьи современные исследования в области фольклорной лексикографии направлены на поиски оптимальных способов организации результатов языковых исследований. Одним из эффективных способов лексикографического

описания доминантных фольклорных имен представляется кластерный способ. Как отмечает А.Т. Хроленко, „каждый фрагмент фольклорной картины мира репрезентируется определенной совокупностью лексем различной частеречной принадлежности, которые семантически и/или функционально связаны между собой”⁸. Этот набор и получил название кластера.

По нашему мнению, формирование кластеров позволяет систематизировать информацию, полученную в результате этнолингвистического анализа фольклорных текстов. Исследовательская ценность кластеров заключается в возможности их сопоставления, которое может происходить в нескольких направлениях: 1) на материале фольклорных текстов различных жанров; 2) на материале текстов, записанных в разных районах в пределах одной архаической зоны; 3) на материале фольклорных текстов разных народов и др.

В качестве критериев сопоставления могут быть названы степень частотности употребления тех или иных фольклорных лексем, своеобразие концептуализации одного и того же объекта, наличие специфичных национальных или этнических доминантных лексем, особенности их семантической структуры и символизации, особенности коннотации фольклорных имен, сочетаемостные свойства лексем, характер синтагматических связей слов в фольклорном тексте и др.⁹

Понимание кластера как „сегмента некоего информационного пространства (например, текста), вычленяемого на том или ином основании”¹⁰, позволяет предположить, что кластеры могут быть сформированы и для представления результатов анализа типизированных моделей поведения и соотносимых с ними доминантных фольклорных лексем. С этой целью предлагаем особый способ организации кластера, который отражал бы внутренние когнитивные связи слов. Похожий принцип описан в работах Г.В. Гафаровой, Т.А. Кильдибековой, работающих над составлением функционально-когнитивного словаря русского языка. Когнитивные связи могут включать 1) концептуальную (понятийную) хронологию (родиться – жить – умереть; учить – знать – забыть – вспомнить); 2) „функционально-когнитивную деривацию и расщепление концепта”

⁸ А.Т. Хроленко, *Лингвокультуроведение*, Курск 2001, с. 161.

⁹ *Ibidem*, с. 169.

¹⁰ *Ibidem*, с. 163.

(бытие – субъект, локальность; объект – партнер, темпоральность и др.)¹¹. В связи с этим структура кластера может быть следующей.

1. **Центральное слово кластера** – доминантное фольклорное имя, обозначающее главное действующее лицо в рамках рассматриваемой модели поведения.

2. **Когнитивные стержни кластера** – слова, обозначающие понятия, связанные с хронологическими, пространственными, онтологическими представлениями.

3. **Структурные части кластера** – совокупность лексем различной частеречной принадлежности, связанных с центральным словом тематически, ассоциативно, на основе символического сближения, то есть на основе различных ситуативных и сценарных отношений (например, доминантное имя *девушка* ситуативно связано с лексемами *садить* (вышивать), *варить*, *печь*, *собирать* (типичные действия субъекта), сценарно – со словами *дом*, *дворец*, *чисто поле* (место нахождения), *суденьшко* (средство перемещения в пределах сказочного пространства) и т.д. Данная часть кластера может содержать этнически маркированную информацию о внешности, поведении, поступках, функциях, социальных ролях субъекта, выявленную в ходе анализа доминантных имен и моделей поведения.

Возможность использования обозначений времени и места в качестве когнитивных стержней, структурирующих кластер, обусловлена достаточно четкой и единообразной организацией сказочных сюжетов с хронологической и пространственной точек зрения. Для примера обратимся к модели поведения ‘Женская судьба, участь’. Анализ прозаических фольклорных текстов *Пятиречия* оказал, что практически все сказочные повествования о жизненном пути девушки и женщины композиционно однородны. В результате нами выявлен общий типизированный сценарий женской судьбы, включающий обозначения временных параметров и соответствующих им пространственных ориентиров, то есть периодов жизни и мест нахождения девушки, женщины в пределах сказочного пространства. В кратком виде он может быть представлен следующим образом:

– ‘Рождение, младенчество, детство’ (временной параметр) – ‘Нахождение в родительском доме’ (пространственный параметр);

– ‘Юность (период сватовства и выбора жениха)’ – ‘Нахождение в родительском доме’;

¹¹ Г.В.Гафарова, Т.А. Кильдибекова, *Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря*, Уфа 2003, с. 301.

– ‘Период вне брака (вынужденный уход из семьи)’ – ‘Нахождение за пределами родительского дома, «у чужих»’ (сюжетные варианты – символическое нахождение за синим морем, у еги-бабы, у бабушки-задворенки и т.д.);

– ‘Свадьба, период замужества’ – ‘Нахождение в доме мужа’;

– ‘Вдовство’ (в единичных сказках).

Отметим, что в большинстве сказок сценарий женской судьбы включает периоды рождения, младенчества и детства, сватовства и свадьбы, после чего действие перестает развиваться. В этих сказках содержатся описания действий, в том числе и сакральных, символических, которые должны осуществить героиня или герой-спаситель для достижения наилучшего, с точки зрения фольклорного знания, положения в социуме – замужества.

Ряд сказочных сюжетов связан с жизнью женщины после свадьбы. Как правило, фольклорные тексты с таким сюжетом не охватывают хронологически более ранних периодов и являются материалом для реконструкции культурных смыслов, связанных с определением места женщины в семейной иерархии, со способами взаимодействия с мужем, детьми, свекровью, с другими родственниками, а также с чужими людьми. Все эти сведения могут быть представлены в кластере, а затем – в сжатом виде в лексикографическом описании центрального слова – доминантного фольклорного имени и других фольклорных лексем, входящих в кластер.

Последовательность действий при формировании словарной статьи может быть следующей:

1) выявление типичных, повторяющихся во многих текстах фольклорных тем, (брачный выбор, замужество, поиски счастья и т.д.);

2) анализ семантики, символики, прагматической функции, этимологии доминантных фольклорных имен, связанных с выявленными темами;

3) конструирование и описание типизированных моделей поведения, связанных с выявленными темами, с использованием когнитивных методик ситуативного и фреймового анализов;

4) представление полученных результатов в виде кластеров: микрокластеров, репрезентирующих модель поведения, выявленную на материале одного произведения; и макрокластеров, объединяющих результаты анализа определенного корпуса фольклорных текстов (это могут быть тексты одного жанра или тексты разных жанров, записанные на одной территории);

5) формирование словарных статей, описывающих входящие в кластер лексемы и все актуальные связи между ними.

Таким образом, в нашем исследовании под кластером понимается совокупность доминантных фольклорных имен (имен существительных), а также слов других частей речи, объединяющихся на основе тематической и ассоциативной близости и особым образом группирующихся с учетом когнитивных связей между понятиями, которые обозначаются этими словами. В результате кластер представляет собой своеобразную „выжимку” из этнолингвистического и когнитивного анализов доминантных фольклорных имен и моделей поведения и служит материалом для их лексикографического представления, включающего описание этнокультурной информации, связанной с ключевыми лексемами.

В заключении отметим, что развитие современной фольклорной лексикографии показывает, что словари, учитывающие взаимосвязи языка фольклора и традиционной народной культуры, дают ученым разных направлений: языковедам, фольклористам, этнографам, культурологам и т.д. – достоверный и систематизированный материал для исследований этнической ментальности, способов восприятия мира разными народами.

Streszczenie

Analiza leksykograficzna dominujących nazw oraz modeli zachowawczych w folklorze

Niniejszy artykuł poświęcony jest zagadnieniom etnolingwistycznego badania języka folkloru i leksykograficznej prezentacji jego wyników. Przedstawiono w nim metody analizy leksykalnych jednostek folklorystycznych, ukierunkowanych na ujawnienie typowych sensów kulturalnych przekazywanych wyrazowo; rozpatrywane są możliwe środki utrwalenia tych wiadomości w słowniku języka folklorystycznego.

Summary

The lexicographical description of prevailing names and typical behavior models in folklore

This article is devoted to questions of ethno-linguistic research of the language and of lexicographical introducing of its outcomes. Particularly, the author considers methods of the folklore vocabulary analysis with the purpose of the exposing of representative cultural meaning conveyed by a word. Possibilities to fix the come out data in the folklore language dictionary of a culturology kind are also the subject of this research..